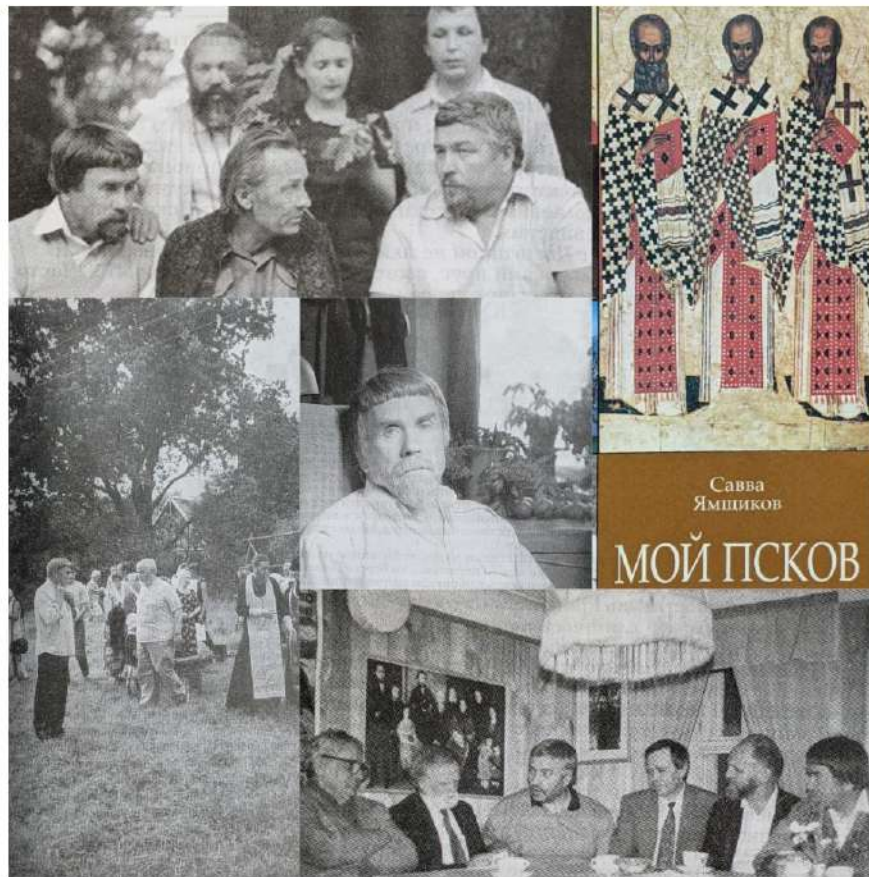

Ямщиков Савва Васильевич
Мой Псков / Ямщиков Савва Васильевич - Псков : Псковская областная типография, 2004. - 352 с. :
ил. - ISBN 5-94542-045-X

Восемь писем Валентина Курбатова Савве Ямщикову

Примечания к письмам – Савва Ямщиков

Легко дружить, когда ты молод, здоров, но по-настоящему проверяет людей беда. Во время моей затянувшейся на годы болезни разговоры, общение были для меня почти мучительны. Но любой телефонный звонок Валентина Яковлевича или его приезд из Пскова заставлял меня двигаться по линии отхода от болячек. А его верность эпистолярному жанру – как она помогла! Из месяца в месяц, год за годом Валентин присылал мне письма, хотя знал, что я из-за болезни ответить не смогу. В этих письмах нет ни одного пустого слова: в них великолепный анализ того, что с нами происходит. Многие десятки, да что там – сотни писем, целый "курбатовский короб". Я хочу, чтобы вы прочли хотя бы несколько.

27 апреля 2002, Псков

Дорогой мой Савва!

Со светлейшей для тебя за многие последние годы Пасхой! Как чудно поет в эти дни церковь: Христос с небес – срящите!

Христос на земли – возноситесь!..

Словно мы хоть еще не на небе, но уже не на земле летим навстречу друг другу, чтобы обняться в общем свете ликования и надежды на общее Воскресение, где не будет смерти и где Александра Васильевна и все наши милые друзья и родные светлы и утешены.

С праздником тебя и Марфу!

Христос Воскресе, родные мои!

Вал. Курбатов

8 мая 2002, Псков

Христос Воскресе!

Дорогой Савва!

Эх, не дома бы сейчас сидеть, а в деревне — с сиренью под окном, с петухами, со счастливым чувством неподвижности жизни — и при царе Горохе так, и сейчас черемуха налетает волной и заставляет оборачиваться на красных девок, хотя ты уже не знаешь, чё с имя, с девками-то делают.

Душа просит долгих дней и покоя, какой-нибудь воспоминательной работы про мятежную юность, про кипение страстей (про кипение хорошо писать в стариковской тишине, чтоб ноги в тазу или хоть в теплых носках).

А вместо этого беготня — мегаполис Псков, подготовка к празднику поэзии, забота, каких евреев пригласить, а каких не приглашать.

Город охорашивается, кладет дороги, подсаживает деревья, строит рынки, чтобы убрать палаточные, цыганские таборы торговцев, после которых вечерами летят в пыли целлофановые пакеты, бумажки, тряпки, дикая грязь, как после безумной пьянки.

Завтра на пару дней рвану в Михайловское, где чудеса, где лешие бродят, русалки, понимаете ли, полно невиданных зверей...

Получил из Красноярска альбом "Прощание", где все про похороны Виктора Петровича — телеграммы, письма, фотографии.

И в очередной раз смутился.

В Иркутске хотят издать нашу с ним переписку за 30 лет, как "документ времени". Представляю, что там будет. Тут вот я Марье Семеновне написал из Чусового, а она взяла и факсимильно напечатала. А там добрый мужик, директор Чусовского музея запил. И в жизни-то он, может, только раз и запил, а теперь уж будет делать это с каждым новым читателем. А в 30-летней-то переписке поди таких "доносов" на друзей и того больше.

И вообще что-то в таком издании (как о похоронах Толстого) и в поспешном издании переписки есть очень нынешнее, не очень целомудренное. И вряд ли к славе Виктора Петровича. Но на попытку мою отговориться Марья Семеновнахватила такой атакой, словно это я не против своей переписки, а против Виктора Петровича выступаю. Бедные мы, бедные...

Обнимаю тебя.

Поклон Марфе.

Твой В. Курбатов

19 мая 2002, Псков

Дорогой Савва!

Спасибо! Интервью в "Дне" (в "Завтра") замечательно сильно, и фотография воспламеняет его до подлинного благого гнева и настоящей проповеди.

Ты уже пойдешь в Рязани с Колей? Пока письмо дойдет, уж и воротиться успеешь. А я смалодушествовал, не поехал. У меня ведь там роль буферного государства – католиков затормаживать. А нынче такое торжество православия в союзе с бесстыдным государством, такое православие, самодержавие, народность, что они, пожалуй, зарезали бы меня как Резедю в "Слове о полку". У нас тут акцию против католиков Бакусов возглавляет – бывший секретарь по идеологии обкома КПСС.

Только рукой махнешь и отойдешь. А более боюсь Бориса Ивановича, который хотел поехать за мной с камерой (кино про меня снимать). Я отказался в такой резкой форме, что он замолчал.

Я, слава Богу, свое место знаю. Теперь не знаю даже, будет ли он все-таки открывать выставку Юрия Ивановича 28 мая.

Да и тут забот хватает. Послезавтра надо вести праздник военной поэзии у Васильева в Борках, а там уж и Пушкинский праздник подоспеет. Только поворачивайся. Некогда на свои шесть соток съездить.

Из Красноярска пришел альбом "Прощание" про похороны Виктора Петровича со всеми телеграммами, письмами, фотографиями и оставил очень неприятное впечатление. Словно Виктор Петрович еще лежал под образами, а кто-то уже сочинял текст и искал вариант обложки.

Зато вышел очень хороший астафьевский номер журнала "День и ночь" – на редкость цельный и разнообразный, как сам Виктор Петрович.

Иркутские издатели не оставляют мысли издать нашу переписку с Виктором Петровичем как "документ времени", и это по-настоящему тревожит меня, потому что глядит самозванством. Да и в письмах В.П. ко мне только пух летит от Можяева, Абрамова, Белова, а кое-где и от Распутина, не говоря уже о Бондареве или Проханове, так что как они будут выбираться – не знаю. Вот пришлю приблизительный состав – погляжу, да и поганой метлой!

Обнимаю тебя.

Храни Господь тебя и Марфу.

Твой В. Курбатов

5 июня 2002, Псков

Дорогой мой Савва!

Открыткой нарочно искушаю, чтобы чаще о Пскове думал. Авось к осени соберешься. Сейчас у нас жарко, как везде, поезда раскалены. Я вот собираться-то собираюсь в Москву, но уж заранее сердце болит – я жару переношу очень тяжело.

А это Зиновово озорство!

Ох, матушка-церковь погрозит ему пальцем, как Филарет Пушкину за такое своеволие. У него даже и текст сочинен: "И внемлет арфе Филарета в священном ужасе поэт". Но какая замечательная свобода! Какая счастливая игра! Удержи-ка такого в Печерском монастыре, где сам воздух заражен фарисейством! И в иконах последнего времени, и во фресках та же открытая радость художественной игры. То самое "треченто! треченто!", о котором кричал еще в пору Зинововой работы в Покровском храме Печер Николай Иванович Кормашов (вот бы кого навестить-то!).

Что-то Валя Распутин помалкивает. Я уж три раза писал. Молчит. Здоров ли? Он ведь все туда теперь на разные операции ездит. Или укрылся, как я, в деревне и в город носа не кажет. А мне вот еще в Питер на кинофестиваль ехать – а не хочется – сил нет. Чужое все стало. Устаю от народа. Пора в настоящие старики.
Обнимаю.
Твой В.К.

8 августа 2002, Псков

Ну, как "инспекционная поездка"? У нас еще нет-нет отзовется эхо. То Калинин посетует, что "говорят, был, а вот не виделись", то Наталья Рахманина похвалится, что при открытии выставки был Ямщиков, то музейные девки спохватятся, что не договорили то и это, а то Татьяне Недосекиной выговорит начальник ТВ: "Почему не работали с Ямщиковым?" Про себя уж не говорю: дни как-то сразу опустели после напряженного ритма поездок. Только и блага, что после соревнований с Пьерушкой не пью — мне такого мастера уже не догнать. Пора из профессионалов в любители.

Прячусь от народа в Черняковицах, читаю Е.И. Носова (просят написать куряне) и уже совсем по-стариковски плачу от умиления. До чего хорош, чист, нежен. И совсем "советский" во всем, что было святого в этом понятии. Интересно, что говорил о нем Солженицын при вручении ему премии? Впрочем, он ведь давал ему ее за военные сочинения, а это тема отдельная. Хотя и в ней он светел и высок, будто был на другой, не Виктор Петровичевой войне. Да и все его сочинения полны любви и света, побеждающего всякое зло, на которое он тоже глаз не закрывает.

А похоронили его тишком, молча, завалили землей и ни слова, будто и не было такого писателя.

Это им свет его был в помеху. Все позади черную пустыню хотят оставить.

Напишу да пора Толстого читать и в Ясную собираться, хотя тут 70 лет моему давнему товарищу Бологову.

У Кормашова еще не был, но непременно съезжу, как только отпишусь с Носовым. Удалось ли тебе увезти с собой в Петрозаводск Марфу? Дорога все-таки лучший лекарь. Хлопоты и перемена мест, может, и утомляют, да не задевают сердцевину души.

Пошли вам обоим Господь здоровья и покойной силы.

С любовью
твой В.Курбатов

19 сентября 2002, Псков

Дорогой Савва!

Осень взялась за меня круто. И холодные злые дожди ей помогают. Вся летняя беготня кажется не то что пустой, а какой-то вертляво-напрасной. И это сидение на кинофестивале среди духовно чуждых людей, и умничанье у Шукшина, который половину из нас гнал бы из Сросток поганой метлой, и суета в Ясной, когда даже и красота осени была не в радость.

Сейчас вот надо писать о Вале Распутине, Глушковой, а я и подумать о столе не могу. Сяду, возьму перо в руки, мучаю-мучаю бумагу, изорву и брошу. Не слова, а мякина.

Пробовал сбежать в свои Черняковицы. Но там холодно, света нет и дожди особенно беспросветны. Даже и на службе владычной в Троице в воскресение (иногда бегаю из своего храма, чтобы не сбиться в привычку) среди храмовой высоты, хорошего пения, какого-то приходского покоя, который редок в кафедральных храмах, и там стоял с каким-то толстовским сердцем и посторонним умом.

Обычно от этих приступов работой и спасался. А она вот нейдет. Пробую защититься тем, что нельзя же всю жизнь писать об одних и тех же людях — когда-то ведь их для себя и исчерпаешь. Но ведь раньше-то писал и как раз новому чтению и радовался. Попробуй-ка Распутина исчерпай!

Только вот читаю его "Избу" и чувствую усталость его сердца, горькое усилие, с которым он себя преодолевает, чтобы не сдаться, не умолкнуть. Особенно тяжело видеть именно невыносимую силу, которая не находит применения. Выдохшаяся жизнь не дает железного кольца, за которое бы ухватиться этому Святогору. И он все возвращается к старым сюжетам, к великим своим старухам, а и они обессилели и с их избой опустела и его. Так и чувствуешь, как пустеют углы, бьет ставнями ветер и окна глядят невидяще и слепо.

Как его сейчас надо обнимать и как любить, чтобы радость и сила не ушли из него окончательно.

Тебе бы с ним в Иркутск. Но пока и у тебя сил-то не на всех. Да и край не близкий.

Обнимаю тебя. Поклон Марфе.

Твой Валентин

6 ноября 2002, Псков

Дорогой мой Савва!

Спасибо! Нашел в Париже минуту! А я совсем задекадентствовал. Сердце болит все нестерпимее. Бросил рюмочку. А без рюмочки – какой уж критик. Так – искусствовед-реставратор. И больше ничего!

Увидимся – и не узнаешь. Одна добродетель и богобоязненность. Говорю тихо, смотрю робко, чтобы даже смелостью взгляда не смутить сердце. А проку-то и нет. Болит и болит.

Со страхом думаю, как ехать в Москву, а тем более – лететь в Красноярск с этой дрожью и отчаянием внутри. Только и надежды, что все сорвется, что книга задержится и можно будет пересидеть на завалинке.

А Марья Семеновна жалуется из Красноярска, что овсянские девицы из библиотеки своевольно присвоили себе имя – музей и просят помощи у Ленинки и Салтыковки, что они, де, ведут "большую научную работу". Сама Марья Семеновна открывает музей В.П. в домике, где он жил. Значит, теперь будет в Овсянке два музея Виктора Петровича. А где два, там уж известно – война. Ах, будь жив Виктор Петрович, он бы им быстро хвост прищепил. А теперь пойдет писать губерния!

Видел у Гольшева давно составленный "план мероприятий" по 1100-летию. Уже и отпечатанный брошюрой. Там никакой московской вы-

ставки нет. Понимаю, что план раньше составлен, но ведь план – это и смета, где уже все копейки сосчитаны. Боюсь, их уже ни на какую выставку не хватит. Ты, прежде чем к Лужкову идти, все-таки поговори тут, позвони Гольшеву, чтобы лишних сил не тратить. Побереги себя.

Скучаю по твоим рассказам, спрыснутым французскими духами и выгоревшим на греческом солнце.

Обнимаю.

Поклон Марфе.

Твой В. Курбатов

2 декабря 2002, Псков

Савва!

Что-то тяжело после Красноярска. И не оттого, что Виктора Петровича нет и город сразу пуст и нем. С этим уже свыкся. А оттого, что уже пошли заворачиваться разные скверные воронки вокруг наследия. Уже с досадой поглядывают друг на друга сын и внуки В.П. Марья Семеновна хочет улыбнуться в обе стороны сразу, но лицо ее при этом каменеет. Она замечательно держится. Но уже видно, что держится одна.

Больно было видеть, как она хватилась за нас, надеясь остановить, продлить дни вместе, страшась остаться со своими проблемами наедине. Странно видеть "музей" в Овсянке, где столько прожито и пережито. Особенно "свою" клетушку, где мне хорошо работалось. Пока, конечно, только слово "музей", потому что живую жизнь выгнали, а музейной не нажили. Только какая-то одинокая тоска. Даже и яблоня под окном и сортир в огороде стали "экспонатами" и никак не найдут себе места под праздными взглядами.

Третий день себе места не нахожу и не могу перестроиться на Семена Степановича, про которого надо делать передачу к столетию. Получил твою открытку из Милана. Пьерушка явился в своей живописной напраслине на меня – будто я пил больше его. Я хотел бы отстоять честь нации, но, увы, Муссолини в Пьерушке победил Сталина во мне. Хотя боролся я честно

и держался до последнего.

Турция моя, слава Богу, перенеслась и, может стать, совсем отпадет, чему я несказанно рад, потому что какая-то существенная нить оборвалась и прежнего интереса мне не воскресить. Там уже пойдет работа, а дело живет, пока оно кажется случайным, игровым, мимолетным. Там уж надо в "исследование" пускаться, а это дело не мое.

Обнимаю тебя.
Поклон Марфе.
Вал. Курбатов

ПРИМЕЧАНИЯ
К ПИСЬМАМ

1

Александра Васильевна – А.В.Ямщикова (1916 - 1999),
моя мама.

Марфа – Марфа Ямщикова, моя дочь.

2

Виктор Петрович – Виктор Петрович Астафьев (1924 - 2001).
Мария Семеновна – жена писателя.

3

... Интервью в "Дне" ("Завтра")... – моя беседа
с Владимиром Бондаренко "Пересилим и это время..."
... в Рязани с Колей... – Курбатов пишет о моей поездке на
открытие православного кинофестиваля "Золотой витязь",
организатор которого – народный артист России Николай
Петрович Бурляев.

... боюсь Бориса Ивановича... – Б.И.Царев, председатель
общества "Синергия".

... открывать выставку Юрия Ивановича... –
Ю.И.Селиверстов (1940 - 1990), замечательный художник,
друг В.Я.Курбатова, о котором он написал книгу.

... у Васильева в Борках... – Иван Афанасьевич Васильев
(1924 - 1994), псковский писатель, публицист, создатель
музея в его родной деревне Борки.

4

... Зиновово озорство... – архимандрит Зинов (Теодор),
современный иконописец, один из ведущих церковных
художников. Курбатов описывает книжную миниатюру, на
которой изображены митрополит Филарет (Дроздов)
и Пушкин, отпечатанную Псковской типографией.

... кричал Николай Иванович... – Н.И.Кормашов,
замечательный русский художник. Живет и работает
в Таллинне, лето проводит на хуторе в деревне Тайлово,
рядом с Печерским монастырем.

5

"инспекционная поездка" – Курбатов шутит по поводу
летнего моего пребывания в Пскове.

Калинин посетует... Наталья Рахманина похвалится...
Татьяне Недосекиной выговорит начальник... – Иван
Егорович Калинин, председатель Псковского городского
комитета по культуре; Наталья Сергеевна Рахманина,
архитектор и художник, вдова В.П.Смирнова – известного
архитектора-реставратора и художника-кузнеца; Татьяна
Николаевна Недосекина, корреспондент Псковского
телевидения.

... с Пьерушкой не пью... – Пьетро Кази Оливеро, мой
итальянский друг, с которым мы заканчивали МГУ. Часто
приезжает вместе со мной в Псков.

Прячусь ... в Черняковицах – деревня под Псковом, где
у Курбатова маленький домик.

... товарищу Бологову... – Александр Александрович
Бологов, псковский писатель, председатель областной
писательской организации.

... с Толстым давно условился... – граф Владимир Ильич
Толстой, директор музея-заповедника "Ясная Поляна".

6

... умничанье у Шукшина... – Курбатов имеет в виду
ежегодный литературный праздник на родине
В.М.Шукшина.

... писать о... Глушковой... – Татьяна Михайловна
Глушкова (1939 - 2001), талантливая русская поэтесса.

... На службе владычной в Троице... – Троицкий
кафедральный собор Пскова.

7

Нашел в Париже минуту... – Курбатов пишет о моей
открытке из Франции.

Видел у Гольшева... – Александр Иванович Гольшев,
председатель Псковского областного комитета по культуре.

8

... перестроиться на Семена Степановича... –
С.С. Гейченко (1903 - 1993), многолетний директор-
хранитель Пушкинского заповедника в Михайловском,
историк, писатель.